

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
РАСКРЫТИЯ, РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Сборник материалов международной
научно-практической конференции

К 75-летию Тульского государственного университета

Тула
2004

Актуальные вопросы теории и практики раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Сборник материалов международной научно-практической конференции. - Тула: Тульский государственный университет, 2004. - ...с.

Ответственный редактор - доктор юридических наук А.Ю. Головин

В сборник материалов включены статьи и выступления ученых и практиков, посвященные актуальным проблемам уголовно-процессуального законодательства, теории и практики раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, юридического образования, представленные на международной научно-практической конференции, прошедшей в Тульском государственном университете 20-21 мая 2004 года.

Сборник представляет интерес для профессорско-преподавательского состава, студентов и аспирантов юридических вузов, сотрудников научно-исследовательских учреждений, сотрудников правоохранительных органов.

участвующих в его производстве свидетеля, потерпевшего, специалиста, эксперта, переводчика об ответственности, предусмотренной ст. 307, 308 УК РФ за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний. Таким образом, напрашивается вывод о возможности формирования показаний в ходе любых следственных действий, где существует возможность сообщения устной информации.

Если не определиться с вопросом о понятии показаний в уголовно-процессуальном смысле (как самостоятельном источнике доказательств) и уголовно-правовом смысле (как сообщении, либо отказ от сообщения; принуждение к сообщению, за которое возможна уголовная ответственность), привлечение к ответственности за отказ от дачи показаний, за дачу заведомо ложных показаний, допущенных в ходе любых иных следственных действий, кроме допроса, представляется невозможным.

Необходимо также четкое соответствие норм УПК и УК в части субъектов, дающих показания и несущих уголовную ответственность за преступные действия, связанные с таковыми. Согласно наименованию ст. 307 УК эксперт и специалист должны нести уголовную ответственность как за заведомо ложные показания, так и за заведомо ложное заключение, однако диспозиция статьи не предусматривает ответственности специалиста за дачу заведомо ложного заключения. Отсутствует уголовная ответственность и за отказ эксперта или специалиста от дачи показаний, что не коррелирует с ч. 5 ст. 164 УПК.

Согласно ст. 44 и 54 УПК показания вправе давать гражданский истец и гражданский ответчик. Однако о гражданском истце, гражданском ответчике как субъектах, уполномоченных давать показания, и несущих уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи таковых, в УК не упоминается вовсе.

Предусматривая право гражданского истца и гражданского ответчика давать показания, законодатель умалчивает о том, какой источник доказательств формируется после их получения, и посредством каких процессуальных действий они должны быть получены.

В то же время, указывая на показания эксперта и специалиста как самостоятельные источники доказательств, в законодательстве (ст. 57, 58 УПК) отсутствуют какие-либо права и обязанности указанных субъектов, связанные с дачей показаний. Не предусматривается также возможность допроса специалиста на стадии предварительного расследования.

Библиография

1. Соловьев А.Б. Доказывание на досудебных стадиях уголовного процесса. -М., 2002.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.В. Наумов. - М., 1996.

С.Б.Росинский

кандидат юридических наук
Московский городской институт
управления Правительства Москвы
(г.Москва, Россия)

Проблемы правовой регламентации административной ответственности участников уголовного судопроизводства

Традиционно уголовно-процессуальное законодательство предусматривало возможность применения государственного принуждения к тем участникам уголовного судопроизводства, которые в силу неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на них обязанностей препятствовали либо могли бы воспрепятствовать осуществлению уголовно-процессуальной деятельности.

Ныне действующий уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации также содержит целую систему мер принуждения, которые по своему назначению подразделяются на задержание подозреваемого, меры уголовно-процессуального пресечения и так называемые "иные" меры уголовно-процессуального принуждения. Причем эти "иные" меры принуждения, под которыми традиционно понимаются любые процессуальные средства принудительного характера, не относящиеся ни к мерам пресечения, ни к задержанию подозреваемого, впервые законодательно выделены в обособленную процессуальную категорию и закреплены в отдельной четырнадцатой главе УПК РФ.

Одной из "иных" мер уголовно-процессуального принуждения является так называемое денежное взыскание (ст. 117 УПК РФ). Его сущность заключается во взимании судом в доход государства определенных денежных средств с участников уголовного судопроизводства вследствие неисполнения ими предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством обязанностей, а также нарушения порядка судебного заседания. При этом ст. 118 УПК РФ регламентирует процессуальный порядок наложения такого денежного взыскания на правонарушителя.

Такая мера уголовно-процессуального принуждения существенным образом отличается от других уголовно-процессуальных мер принудительного характера. Во-первых, это единственная мера принуждения, которая не может быть применена ни к подозреваемому, ни к обвиняемому (подсудимому). Субъектами денежного взыскания в размере до 25 минимальных размеров оплаты труда являются свидетель, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, эксперт, специалист, переводчик или понятой (ст. 111 УПК РФ). Помимо этого, денежное взыскание в размере до 100 минимальных размеров оплаты труда наложено на поручителя и лицо, осуществляющее присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (соответственно ч. 4 ст. 103 и ч. 3 ст. 105 УПК РФ).

Во-вторых, такая мера в отличие от всех иных мер уголовно-процессуального принуждения связана с реализацией определенной ответственности, к которой привлекаются участники уголовного судопроизводства, поскольку само по себе взыскание - это не что иное, как внешнее воплощение юридической ответственности.

Такие существенные отличия денежного взыскания от остальных уголовно-процессуальных мер принуждения обуславливают множество общетеоретических проблем, связанных как самой сущностью этой меры принуждения, так и с ее правовой регламентацией. Причем решение этих проблем, на наш взгляд, следует искать не только в уголовно-процессуальной науке, но в самой теории права, а также в ряде других отраслевых юридических наук.

Итак, денежное взыскание - это мера принуждения, которая связана с реализацией некой юридической ответственности, наступающей за неисполнение участниками уголовного судопроизводства возложенных на них процессуальных обязанностей. Сама по себе юридическая ответственность может наступать только за совершение определенных правонарушений [1, с.384; 2, с.1087], то есть, противоправных виновных и наказуемых деяний (действий или бездействий), причиняющих вред интересам общества, государства или отдельных лиц. Таким образом, неисполнение свидетелем, потерпевшим, гражданским истцом и ответчиком, экспертом, специалистом и другими субъектами возложенных на них уголовно-процессуальных обязанностей следует расценивать как определенное правонарушение. Но какое?

В теории права выделяют четыре основных вида правонарушений: уголовные (преступления), гражданские, административные и дисциплинарные [3, с.534-535], которые соответственно и обуславливают наступление уголовной, гражданско-правовой, административной и дисциплинарной ответственности.

Очевидно, что неисполнение участниками уголовного процесса возложенных на них процессуальных обязанностей не является гражданско-правовым проступком. Такие правонарушения, как известно, имеют своим объектом только лишь имущественные или

связанные с ними личные неимущественные отношения, урегулированные нормами гражданского права (близким правовых отраслей) и получают свое внешнее выражение в форме неисполнения (ненадлежащего исполнения) договорных, то есть частноправовых отношений. По этой же причине правонарушения, совершаемые в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности, не могут расцениваться как дисциплинарные проступки, поскольку последние направлены на внутренний распорядок деятельности предприятий, учреждений и организаций и могут совершаться только самими сотрудниками.

Таким образом, те противоправные действия (бездействия) свидетеля, потерпевшего и других участников уголовного судопроизводства, которые обуславливают наложения на них денежного взыскания, видимо являются либо преступлениями, либо административными проступками, поскольку и те и другие совершаются в сфере публично-правовых отношений, разновидностью которых и является уголовно-процессуальная деятельность.

Сравнительный анализ норм уголовного законодательства Российской Федерации и норм регламентирующих основания и процессуальный порядок наложения денежного взыскания показывает, что такие взыскание также не могут являться и выражением уголовной ответственности, а их обуславливающие правонарушения, не могут расцениваться как преступления по следующим причинам.

Во-первых, преступлением признается только деяние, предусмотренное особенной частью уголовного кодекса РФ (ст. 14 УК РФ), а основанием для наступления уголовной ответственности является только совершение лицом преступления. При этом неправомерные действия или бездействия участников уголовного судопроизводства, влекущие наложения денежного взыскания не установлены ни одной из норм УК РФ. Во-вторых, уголовная ответственность может быть реализована только посредством одного из уголовных наказаний, полный перечень которых приведен в ст. 44 УК РФ, где ничего не говорится о так называемом денежном взыскании (термин "взыскание" в уголовном праве вообще не используется). И, наконец, в-третьих, уголовная ответственность может быть реализована, а уголовное наказание может быть назначено только в порядке уголовного судопроизводства. Тогда как для наложения денежного взыскания ст. 118 УПК РФ предусмотрен особый порядок, напоминающий скорее производство по делу об административном правонарушении.

На основании всех вышеприведенных аргументов следует заключить, что противоправные действия (бездействия) участников уголовного судопроизводства, обуславливающие наложение денежного взыскания являются административными проступками. Кстати в пользу этого говорит и сравнительно слабая степень общес-твенной опасности этих правонарушений. Следовательно, само денежное взыскание следовало бы расценивать как одну из мер административной ответственности. Но такая, как нам представляется, теоретически верная точка зрения вступает в серьезные противоречия с самим законодательством РФ об административных правонарушениях по следующим причинам:

Во-первых, административным правонарушением (ст. 2.1 КоАП РФ) признается только деяние, предусмотренное особенной частью кодекса РФ об административных правонарушениях или же законами субъектов РФ. При этом неправомерные деяния участников уголовного судопроизводства, влекущие наложения денежного взыскания не установлены ни нормами КоАП РФ, ни законами, ни одного из субъектов РФ.

Во-вторых, административная ответственность может быть реализована только посредством административных наказаний, исчерпывающий перечень которых приводится ст. 3.2 КоАП РФ, и в котором не упоминается так называемое денежное взыскание. По характеру денежное взыскание напоминает такой вид административного наказания, как административный штраф, однако формально это совершенно иная форма выражения юридической ответственности. Более того, законодатель в новом Кодексе РФ об административных правонарушениях вообще уходит от термина "взыскание" и использует термин "административное наказание".

И, в-третьих, административная ответственность может быть реализована, а соответственно наказание может быть назначено только в порядке производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном разделами III-V КоАП РФ. Порядок наложения денежного взыскания отчасти напоминает такое производство (составление первичного протокола, вынесение постановления о наложении взыскания и т.д.). Однако формально данная процедура является иным видом правоохранительной деятельности и не может расцениваться даже как особый порядок производства по делу об административном правонарушении.

Резюмируя все вышеприведенные аргументы, мы можем говорить о некоей правовой коллизии, заключающейся в том, что установленная нормами УПК РФ ответственность, участников уголовного судопроизводства, наступающая за неисполнение ими некоторых процессуальных обязанностей, и реализуемая посредством денежного взыскания, вообще не имеет определенно выраженной юридической природы. Вместе с тем предположение о существовании еще одного вида юридической ответственности - так называемой уголовно-процессуальной ответственности также, по нашему мнению, не имеет право на существование, так как она (ответственность) является материально-правовой категорией и поэтому должна устанавливаться нормами материального права (уголовного, административного и т.д.).

Решение этой правовой проблемы нам видится в некотором изменении ряда законодательных актов Российской Федерации и приведения их в соответствие с общетеоретическими положениями юриспруденции, касающимися понятия, сущности и видов юридической ответственности. Так, на наш взгляд, законодателю вообще следует исключить из УПК РФ нормы, регламентирующие еще одно денежное взыскание (п. 3 ч. 2 ст. 111, ст. 117), так и процессуальный порядок его наложения (ст. 118). При этом такие нормы, безусловно, должны найти отражение в тексте КоАП РФ, поскольку, как было отмечено ранее, такой вид юридической ответственности по степени общественной опасности, и порядку реализации более всего схож именно с административной ответственностью. Нам представляется, что нормы, регламентирующие административную ответственность участников уголовного судопроизводства, должны быть включены в главу 17 указанного Кодекса, посвященную административным правонарушениям, посягающим на институты государственной власти.

Более того, обязательным требованием, предъявляемым к диспозиции любой охранительной нормы, как известно, является конкретизация тех противоправных действий (бездействий), за которые санкция этой нормой предусматривает ответственность. При этом ст. 117 УПК РФ не говорит ни о каких конкретных правонарушениях. И вообще в тексте этого Кодекса имеются всего лишь три ссылочные нормы (ч. 1 ст. 258, ч. 4 ст. 103 и ч. 3 ст. 105) конкретизирующие такое неправомерное поведение, выражающееся в нарушении порядка в судебном заседании, а также в невыполнении своих обязательств поручителями и лицами, которым отданы под присмотр несовершеннолетние подозреваемые или обвиняемые. Вместе с тем, анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет определить и другие виды правонарушений, влекущих наложение денежного взыскания, а именно: нарушение обязательства о явке и неисполнение потерпевшим, свидетелем, гражданским ответчиком и другими участниками уголовного судопроизводства, своих обязанностей, предусмотренных соответствующими статьями раздела II УПК РФ.

Таким образом, нам представляется, что включенные в КоАП РФ охранительные нормы обязательно должны конкретизировать те противоправные действия (бездействия) участников уголовного судопроизводства, которые влекут административную ответственность. По нашему мнению, к таким действиям (бездействиям) можно было бы отнести следующие:

- уклонение потерпевшего, гражданского ответчика, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика и понятого от явки по вызовам дознавателя, следователя, прокурора или суда;

- нарушение порядка в зале судебного заседания; неподчинение распоряжениям председательствующего или судебного пристава;

- невыполнение поручителем или лицом, под присмотр которого отдан несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый), своих обязательств при избранных мерах пресечения в виде соответственно личного поручительства и присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым;

- нарушение потерпевшим или свидетелем обязательства о явке.

Все вышеперечисленные противоправные действия участников уголовного судопроизводства должны найти отражение в диспозициях новых статей главы 17 КоАП РФ.

При этом УПК РФ обязательно должен быть дополнен соответствующими бланкетными нормами, отсылающими к указанным статьям КоАП РФ. Помимо этого, на такие бланкетные нормы должны быть замены и указанные выше ссылочные уголовно-процессуальные нормы, содержащиеся в ч. 1 ст. 258, ч. 4 ст. 103 и ч. 3 ст. 105 УПК РФ.

Санкции предлагаемых нами административно-правовых норм не должны содержать так называемого денежного взыскания, поскольку административное законодательство (ст. 3.2 КоАП) не предусматривает такого вида административного наказания. В данном случае административная ответственность должна выражаться посредством административного штрафа, выражаемого величине кратной, минимальному размеру оплаты труда.

В соответствии с ч. 3 ст. 3.5 КоАП РФ размер административного штрафа, налагаемого на граждан и исчисляемого исходя из минимального размера оплаты труда, не может превышать 25 таких минимальных размеров. Вместе с тем, в настоящее время установленные УПК РФ размеры денежного взыскания, налагаемого за неисполнение поручителем или лицом, под присмотр которого отдан несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый), своих обязательств превышает указанные пределы и может достигать 100 таких минимальных размеров. Эта проблема, на наш взгляд, может быть решена только путем включения в ст. 3.5 КоАП РФ еще одной части, устанавливающей, что размер административного штрафа, налагаемого на физических лиц в случае неисполнения ими обязанностей участников уголовного судопроизводства может превышать сумму в 25 минимальных размеров оплаты труда. Однако при этом, он не может превышать 100 таких минимальных размеров.

В завершении, необходимо отметить, что предлагаемые нами изменения в уголовно-процессуальном и административном законодательстве неизбежно связаны с упразднением уголовно-процессуальной нормы, регламентирующей порядок наложения денежного взыскания (ст. 118 УПК РФ). Такая процедура должна осуществляться в порядке, установленном КоАП РФ для производства по делам об административных правонарушениях.

При этом следует высказать определенные суждения относительно подведомственности таких дел. Так, по действующему уголовно-процессуальному законодательству денежное взыскание может быть наложено только судом. Думается, что рассмотрение указанной категории дел в порядке административного производства не должно входить исключительно в компетенцию суда. На наш взгляд, например, дела о нарушении порядка в зале судебного заседания вполне могут рассматриваться и разрешаться по существу органами службы судебных приставов Министерства юстиции РФ.

Библиография

1. Теория государства и права. Учебник для вузов. / Под ред. М.М. Рассолова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. - М., 2000.
2. Российская юридическая энциклопедия. / Главный ред. А.Я. Сухарев. - М., 1999.
3. Теория права и государства. Курс лекций. / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. - М., 1997.